

УДК 101.1(045)

*А.С. Ворончихин***ФИЛОСОФИЯ – ЭТО БЕЗДУШНАЯ НАУКА?**

Философия и наука – предельно разные уровни современной культуры. Решающая черта философских знаний – это их личностный, неповторимый характер, полностью отсутствующий в научных знаниях как системе «твердых» и достоверных, а потому – знаний завершенных, то есть не требующих дальнейших уточнений; а толкование их предельно объективно и всегда однозначно. В восприятии же философских текстов всегда присутствует личностный мотив. Русские философы были не только авторами, но и блестящими интерпретаторами. Их интерпретации впоследствии получили самостоятельную жизнь.

Необходимое условие успешного философствования – это приверженность сомневаться во всем, что ранее казалось очевидным и незыблемым, поскольку сомнение подвергает разрушению «мнимое всезнания» и фиктивную уверенность» (Вл. Соловьев), или, как писал Дидро, «первый шаг к философии – неверие». Само возникновение философии, в отличие от науки, появившейся из непосредственных материальных потребностей, связано с мировоззренческим сомнением, которое и предполагает развитый дух философствующего.

Ключевые слова: истина, герменевтика, дух, мышление, логика, бодрствующий, Бог, бытие.

Соотношение философии и науки – проблема давняя, не ставшая однако менее актуальной и менее сложной. Не усвоив специфики этих форм культуры, невозможно сформулировать социальную и нравственную ориентацию, отношение к жизни, и к миру, определить свое место в этом мире.

Решающая черта философского знания – это личностный характер по сравнению со знаниями научными, в которых индивидуальные черты ученых не отражаются. ***Наука, как сфера целенаправленной теоретической деятельности по получению новых знаний, никогда не возвышалась до уровня философских; она всегда находилась, и будет находиться по своему статусу, а, главное, по своему Смыслу – ниже философии.*** Мысль понятна: философия и наука – явления разного порядка. Не поняв принципиальной разницы между ними, нельзя осмыслить специфику самой познавательной деятельности ученых и философов как носителей этих основных уровней знания.

Определять философию через науку – это серьезное ущемление авторитета людей, профессионально создающих высший род знаний, знаний ради знаний, не подвластных инструментальной проверке и максимально удаленных от обыденных целей. «Я настаиваю на том, – писал Ницше, – чтобы, наконец, перестали смешивать философских работников и вообще людей науки с философами, – чтобы именно здесь строго воздавалось “каждому свое”, и чтобы на долю первых не приходилось слишком много, а на долю последних слишком мало» [7. С. 34].

Во всех философских текстах прослеживается свободная мысль автора, не предопределенная эмпирической необходимостью, но всегда выражающая неповторимость личности автора. Поэтому сами философские учения, системы, концепции и школы всегда носят имена своих творцов – Канта, Гегеля, Бердяева... Удивляться этому не приходится, так как каждый из них имеет свою собственную судьбу, свои взгляды, свои подходы, свои индивидуальные склонности. Нет двух Я, думающих одинаково, поскольку мыслит не биологический орган – мозг, а именно Я. Декартовское *Cogito, ergo sum* («Я мыслю, следовательно, я существую»), главный принцип его философии, никто не отменял.

Если личностные мотивы присутствуют при написании текстов, они проступают и при их прочтении. Истолкование текстов – это направление и универсальный способ современного российского философствования (философская герменевтика). По Хансу Георгу Гадамеру, подлинная задача герменевтики – это «проникновение в чужую субъективность». Фридрих Шлейермахер ставит еще более сложную задачу, или сверхзадачу такого «проникновения в чужую субъективность», когда интерпретатор понимает текст так же хорошо, как автор, а затем даже лучше.

Рекомендации «проникновения в чужую субъективность» (не важно, «как автор» или «лучше, чем автор») основываются на специфике самих философских текстов, в которых всегда имеется некая *недоговоренность, незавершенность*, что побуждает читателя договаривать за автора, и полагать, что такая его интерпретация ближе к идеалу и что он понял текст «так же, как автор» или же «лучше», чем автор.

Важная особенность процесса «проникновения в чужую субъективность» – правило так называемого «герменевтического круга», которое гласит, что невозможно понять текст как целое без понимания его частей, но для понимания его частей необходимо понимание целого. К примеру, любой текст (это может быть очень короткое предложение и даже одно слово), зафиксированный автором, необходимо рассматривать в свете *всего* творческого наследия этого автора и всех его психологических и иных особенностей, его морального состояния во время создания этого текста, и, что тоже важно, – *всей* культуры *его* эпохи. И, наоборот, текст как целое может быть интерпретирован лишь при верном понимании всех, отдельно взятых фрагментов. Опять же – лишь в свете всех обстоятельств, психологических, исторических и иных, при которых формировались эти мысли. Рассмотрим один пример.

Известно высказывание Ницше: «Убей урод». С учетом всех перечисленных условий умный читатель поймет, что речь идет не об «убийстве» в прямом значении слова, а о преодолении («убийстве») своих слабостей, «уродующих» глубинные, сущностные, возможные или уже существующие индивидуальные качества. Сам Ницше пишет по этому поводу: «Что называется жизнью? Жить – это значит беспрестанно отбрасывать от себя то, что желает умереть, жить – это значит быть суровым и неумолимым ко всему, что становится слабым и старым в нас».

Уточним: существует некий предел вариантов интерпретации текстов, обретших впоследствии вполне самостоятельную жизнь. Читая интерпретации, надо всегда ставить вопрос, согласуется ли данное толкование со смыслом текста? Не уведет ли данное оно в сторону от мысли автора? Отсюда – вполне законный вопрос, нужно ли вообще читать интерпретации? Конечно, каждый интерпретатор свободен в своем толковании, но лишь в пределах исходного Смысла.

Умение проникать в чужую субъективность необходимо для развитого читателя, добросовестного интерпретатора философских и иных классических текстов являет собой блестящий пример безграничных возможностей творческих сил и потенциала человеческого разума.

Особое внимание теме толкованию и прочтению текста уделял выдающийся отечественный философ и литературовед М.М. Бахтин, сформулировавший тезис: «Место философии. Она начинается там, где кончается точная научность и начинается иррациональность» [2. С. 389]. Начинается философия со смысложизненных вопросов, адресованных прежде всего самому себе. И. Кант в одной из глав «Критики Чистого Разума», названной «Об идеале высшего блага» [5. С. 41], свел такого рода вопросы в следующие три: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?». Кант полагал, что ответы философа на эти три вопроса помогут ему разгадать тайны своего «Я», и тем самым найти ответ на центральный вопрос: «Что такое Человек?» – что достижимо, если расставить в вопросах верные акценты, причем ударение во всех этих вопросах желательно ставить на местоимении «Я»: «Я», а не кто-то другой.

Что «Я» могу знать? Речь у Канта не идет о какой-либо конкретности – не о том, что одно я могу знать, а другое – не могу. При нормальных условиях: внешних (наличие хороших учебников и лекций, достаточный ресурс времени) и внутренних (личное желание и неукротимая тяга к знаниям) – я могу знать в принципе хоть что: атомную физику, молекулярную биологию и т. д. Другой вопрос: а нужно ли это мне? Мне – это не нужно, поскольку основные мои знания – это знания о самом себе: знания о своих знаниях и незнаниях, своих достоинствах и недостатках, своих слабостях и силах.

Во втором вопросе «Что я должен делать?» тоже без существенной корректировки не обойтись. Дело в том, что слово «должен» не совсем точно передает суть мысли философа. Не *что я должен* (в таком звучании – вопрос скорее религиозный), а *чего бы мне хотелось делать*. Мне хотелось бы делать из себя Человека, Сверхчеловека, Бога.

Наконец, третий кантовский вопрос: «На что я смею надеяться?». Он не означает, что есть нечто, на что мне дозволено надеяться, и нечто, на что не дозволено. По аналогии с ответом на первый вопрос можно сказать, что надеяться можно хоть на что. Но самые высокие надежды философа связаны с Вечностью, с идеей вечной жизни. Миллионы людей на земле живут именно этой идеей. Но вопрос в том, живу ли *Я*, а не кто-то другой, этой всепроникающей мыслью? Соответствует ли *мой* образ мыслей законам Вечности? *Живешь ли ты*, это *твое* дело, *твое* решение, твой выбор.

Творческие, разумные ответы на эти три вопроса важны для философа, так как именно они позволяют правильно (правильно *для себя*) ответить и на основной, итоговый кантовский вопрос: «Что такое человек?». Вообще текстовый план философского вопрошания есть исходная точка всякого философского познания.

В работе «Понимание и текст» М.М. Бахтин писал: «Текст (письменный и устный) как первичная данность (...) всего гуманитарно-филологического мышления (в том числе даже богословского и философского мышления в его истоках). Текст является той непосредственной действительностью (действительностью мысли и переживаний), из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [2. С. 382].

Добавим, что текст есть и завершающая точка, вызывающая новые вопросы. Поэтому философию можно определить как «хождение» по Тексту в поисках Смысла, полагая этот текст как мега-текст. Под мега-текстом мы понимаем сверх-текст, абсолютный текст, в котором нет ни лжи, ни обмана, который содержит в себе абсолютную Истину. Схватывание сути сверх-текста, его Высшего Смысла – это большая удача, умственное достижение для «смертного». И только таким образом он, этот «смертный», приобретает имя в философии. Ибо любое стремление к абсолютному и есть оправдание настоящей философии. Так что отношение между философским текстом и его читателем необходимо рассматривать как напряженный и сугубо интимный диалог. При этом мыслящий читатель гениального философского текста становится для себя его естественным единомышленником, когда Мысль Автора рождает в душе и сознании читателя со-Гласие и со-Звучие. Так Читатель становится в себе искренним и честным истолкователем текста.

А.Ф. Лосев, один из лучших российских интерпретаторов, указывал на правомерность ряда интерпретаций одного и того же текста. Он оставил нам много великолепных и блестящих интерпретаций, которые затем обрели самостоятельное звучание. Но какими бы яркими эти толкования ни были, в какой бы литературной манере ни были написаны, независимым искателям истины мы настоятельно советуем обращаться прежде всего к первоисточникам. Не только к фрагментам, не только к отрывкам, а именно к цельным текстам.

Первоисточники – это альфа и омега фундаментального классического философского образования. Необходимо *ex ipso fonte bibere* (пить из самого источника), как остроумно заметил Герцен, когда он систематически начал изучать Гегеля. И, что важно, «пить желательно из цельного текста», а не ограничиваться «питьем» из отрывков, пусть даже очень важных и существенных. «Впрочем, – продолжает Герцен, – Шеллинга я читал самого, а Гегеля – в отрывках. Это большая разница» [3. С. 38].

Остается добавить, что подвести к научной точности само понятие философии невозможно. Рассчитывать на это – значит упрощенно представлять себе внутренний мир философа. Это было бы, по существу, концом существования сообщества мыслящих людей, концом самой философии, литературы, высокой поэзии, музыки и т. д. – всего того, что делает человека Человеком. И когда мыслящему человеку открыта возможность самому избирать свою судьбу, судить о приоритетах и ценностях жизни, самому принимать решения, а, следовательно, нести за них ответственность, то и государство, по Платону, расцветает. Яркий пример – древнегреческие Афины, давшие Гегелю повод сказать, что истинное свободное мышление стало возможным только в Древней Греции. Вследствие изначальной «связи политической свободы со свободой мысли философия выступает в истории лишь там и постольку, где и поскольку образуется свободный государственный строй... философия поэтому начинается лишь в греческом мире» [4. С. 143-144].

Нынешние греки по праву гордятся тем, что их предки «изобрели» философию, а еще раньше – демократию; они осознали ценность умственной деятельности, направленной на свободный поиск истины. Но у афинской демократии были свои изъяны: она была рабовладельческой, где частный и корыстный интерес нередко преобладал над всеобщим, братским. Анаксагор был изгнан. Фидий умер в тюрьме. Аристотель, обвиненный в нечестии, вынужден был бежать из Афин после известия о смерти своего талантливой ученика и покровителя Александра Македонского. А в 399 г. до н. э. по несправедливому приговору Афинского суда был казнен Сократ. Смерть Сократа, любимого учителя и старшего друга, оказала на Платона огромное психологическое и эмоциональное воздействие. Он тяжело пережил эту смерть, даже на некоторое время уехал в Мегары, торговый центр в Средней Греции, конкурировавший с Афинами. Но затем возвратился обратно в Афины. Его возвращение было очень важным шагом. Он оценил благоприятный для философских занятий духовный климат Афин, общую творческую атмосферу, во многом созданную Сократом, и активно включился в продолжение дела своего Учителя. Однако, будучи убежденным противником демократических форм правления, Платон окончательно приходит к осознанию, что Афины – не лучшее устройство государственной жизни. И он задался вопросом: может ли выработанная греками форма политического правления – демократия быть идеальной, где поиски истины индивидом были бы не только не наказуемы,

но и поощряемы? Так Платон открывает существенную разницу между Идеалом и человеческой действительностью. Мысль философа примечательна именно тем, что в ее основе лежало реальное противоречие между индивидуальной добродетелью и несовершенством государственной власти, что, в конце концов, и привело к гибели философа – Сократа.

Продолжая философствовать, Платон в диалоге «Государство» говорит о модели «идеального», лучшего государства, какого никогда и нигде не было, но к которому мы должны стремиться. Он считал, что правителями справедливого государства должны быть философы как интеллектуальная элита общества, способная устроить лучшее государственное управление на основе разума. **В итоге, можно утверждать, что настоящая философия возможна лишь в условиях свободы мышления и свободы самовыражения личности, то есть господства внутренней свободы, тогда как наука вырастает из внешней необходимости, из несвободы, которая становится определяющей для ученого.**

Специалисты, углубившиеся в частные исследования, как правило, не дотягивают до таких сложных областей знания, как отвлеченные, трансцендентные понятия, или – области знаний о знании, то есть области философии. Специалисты привыкли «работать» с понятиями: раз и навсегда установленными значениями, аксиомами, допущениями, корпоративными конвенциями, но они явно недостаточны (даже в систематизированной форме) для выработки целостного понимания Бытия. Так, О. Конт, Г. Спенсер, В. Вундт исходили из того, что задача философии состоит лишь в том, чтобы путем предельных обобщений свести выводы отдельных наук к возможно простому и к замкнутому целому, объединив в свободную от противоречий в систему общие познания, доставляемые отдельными науками, и выполняя функцию лишь систематизации научных знаний. Но они не учитывали того, что владение многими знаниями – это лишь эрудиция, но не Всеобщий Смысл, который только и есть первопричина (*cause sui*) Бытия. Поисками этого смысла и вдохновлена настоящая философия.

В научных текстах индивидуальные черты ученого, его идеалы, переживания не отражаются. В них нет живой человеческой души. Они не передают глубинные чувства, внутренние переживания личности – автора этих текстов. Наука в своей основе – это система «твердых», достоверных, а потому проверяемых знаний, не вызывающих никаких сомнений, это система выверенных, завершенных знаний, не требующих дальнейших уточнений. Толкование этих ясных, чисто познавательных текстов предельно объективно и всегда однозначно. И если в науке встречаются системы, названные именами их создателей, то всё же в этих текстах нет личности ученого этой системы.

Сам термин «философия» в Греции до Сократа не был широко распространен. Чаще употреблялся глагол *philosophēin* в смысле «интересоваться мудростью». Все мыслители назывались «мудрыми» (*sophoi*); позже, в V в. до Р.Х., появился термин софист («мудрец») – так именовали себя платные учителя красноречия, тайных наук и политики (искусства борьбы за власть), ставшие заметными фигурами в системе древнегреческой культуры.

Сократ же искал новый путь: по свободной внутренней потребности в уяснении истины, прежде всего – для самого себя, чтобы развить в себе страсть к познанию и таким способом развить способность самостоятельно и разумно определять истину и свое поведение (этику) в повседневной, обыденной жизни. Поведение человека, по мнению Сократа, целиком определяется его знанием того, что такое «хорошо» и что такое «плохо», – знанием, которое общеобязательно. Его цель состояла в том, чтобы вывести это общеобязательное знание на основе наблюдения за поведением людей в разных обстоятельствах. Сократ противопоставлял себя всем «обладателям» готовых истин («мудрецам»), довольствуясь «скромным» именем «философа», то есть человека, только стремящегося к мудрости, то есть статусом сколь «простого», столь и страстного поклонника. «Наивное»: «Я знаю, что я ничего не знаю» – многих заставляло задумываться, начинать мыслить и самостоятельно искать Высшие Смыслы Бытия, а не следовать прописным «истинам».

Отсутствие индивидуально-личностного начала в научных текстах, в том числе математических, подчеркивается и тем фактом, что многие рядовые и даже выдающиеся открытия сделаны группой ученых. В философии же нет ни одного текста, автором которого был бы коллектив. «Идеальное государство» Платона, «абсолютная идея» Гегеля, «вещь в себе» и «категорический императив» Канта – это плоды сугубо индивидуальных и глубоко личностных размышлений каждого из этих философов. Среди философов заменимых нет – все незаменимы; тогда как ученые – взаимозаменяемы. Поэтому философия всегда ценит свое прошлое, не считая его окончательно прошлым. К примеру, философские тексты Платона мы читаем с таким же интересом, как 2,5 тыс. лет тому назад

их читали молодые греки. В его диалогах дышит Мысль – как и тысячи лет назад, – живая, пробуждающая, вдохновляющая и интересная.

Своими идеями Платон определил развитие философии на всё дальнейшее время её существования: «...Платон один из учителей человечества. Не будь его книг, мы не только хуже понимали бы, кем были древние греки, что они дали миру, мы хуже понимали бы самих себя, хуже понимали бы, что такое философия, наука, искусство, поэзия, вдохновение, что такое человек, в трудности его исканий и свершений» [2. С. 58].

Для науки же прошлое – это пережиток. Прошлое интересует лишь историков науки, как отдельный шаг, ставший следующей ступенькой в познании тайн природы. В философии же нет культурно-исторического движения, где каждая последующая ступень была бы выше предыдущей. Неправоммерно логику развития науки (в известном смысле логику прогресса) переносить на логику истории философии и к примеру, утверждать, что философия Канта «лучше» философии Платона. Оба философа – это примеры абсолютного совершенства, превзойти которые невозможно. Здесь нет движения от низшего к высшему, от менее совершенных форм к более совершенным формам и т.д. Приведем следующую мысль К. Ясперса: «В отличие от наук для философского мышления нехарактерен прогресс. Мы, определенно, существенно продвинулись по сравнению с древнегреческим врачом Гиппократом. Но едва ли можем сказать, что продвинулись дальше Платона. Только в материале научного познания, которым он пользовался, мы находимся дальше. В самом же философствовании мы, возможно, вряд ли достигли его» [8. С. 9-10].

Из этого однако не следует, что представления о философии в сознании самих философов за 2,5 тыс. лет не претерпели никаких изменений. М. Хайдеггер отмечает любопытную особенность, характерную только для философии: «...философия от Аристотеля до Ницше именно на основании этих изменений и в них, остается тою же» [7. С. 118].

Возникнув из непосредственных практических материальных потребностей человека, наука изначально начала носила характер прикладного знания. Философия же возникла из мировоззренческого сомнения в своих знаниях. Но незнание незнанию рознь. Невежество не может стать началом философии, ибо невежда не знает и не желает знать о своем незнании. Началом философии может стать «незнание» другого рода: незнание знающего свое незнание, о чем писал Монтень: это незнание, «полное силы и благородства, в мужестве и чести ничем не уступающее знанию, незнание, для достижения которого надо ничуть не меньше знания, чем для права называться знающим». [6. С. 315]. Именно такое незнание порождает сомнение, в свою очередь побуждающее человека к самопознанию. И это – главная задача, поставленная Сократом перед собой и перед всеми мыслящими людьми. Это – живая потребность повседневного бытия таких людей.

Гегель назвал этот принцип Сократа «центральной точкой всего всемирно-исторического поворота», в том смысле, что «место оракулов заняло свидетельство духа индивидуумов...».

Признание самосознания источником добродетельности, субъективирование нравственности, справедливо считал Гегель, было ничем иным, как прямым выступлением против слепого копирования мнений авторитетов или мифологических традиций – и наилучшим подтверждением решающей роли независимого, самостоятельного размышления, роли собственного свободного ума. Это делает имя Сократа бессмертным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Асмус В. Античная философия. М., 1999.
2. Бахтин М.М. Понимание и текст // Хрестоматия по философии: учеб. пособие. М.: Проспект, 2014. С. 382-389.
3. Володин А.И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М.: Мысль. 1973. С. 38.
4. Гегель. Лекции по истории философии. Книга первая. М., 1993. С. 143-146.
5. Кант И. Система философского знания // Хрестоматия по философии: учеб. пособие. М.: Проспект, 2014. С. 40-49.
6. Монтень М. Опыты. Кн. 3. М., 1960. С. 315.
7. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 327-333.
8. Ясперс К. Введение в философию. Минск, 2000.

*A.S. Voronchikhin***PHILOSOPHY – IS IT A SOULLESS SCIENCE?**

Philosophy and science are extremely different levels of contemporary culture. The decisive feature of philosophical knowledge is its personal, unique character which is totally absent in scientific knowledge being a system of «solid», reliable and therefore completed knowledge, i.e. knowledge requiring no further clarification and having extremely objective and always unique interpretation. In contrast, when reading a philosophical text, there is always a personal motive. Russian philosophers were not only writers, but also brilliant interpreters. Their interpretations subsequently got independent life.

A necessary condition for successful philosophism is tendency to doubt everything that previously seemed obvious and firm, because doubting contributes to the destruction of «imaginary omniscience» and «fictitious confidence» (V. Solovyov), or, as Diderot wrote, «the first step towards philosophy is unbelief». The very emergence of philosophy, unlike science which emerged from the immediate material needs, is related to ideological doubting that implies the advanced spirit of a philosophizing man.

Keywords: truth, hermeneutics, spirit, thinking, logic, awake, God, being.

Ворончихин Александр Сергеевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии и гуманитарных дисциплин
Института истории и социологии
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)

Voronchikhin A.S.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of philosophy and humanities
of Institute of History and Sociology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034